

На пути ко Второй «Холодной войне».

В 1979 г. НАТО еще не принял окончательного решения о размещении новых ракет. По воспоминаниям Г. Корниенко «Запад подавал нам соответствующие сигналы: пусть СССР «раскроет карты», из которых было бы видно, что он не станет развертывать ракет СС–20 больше (в пересчете на боеголовки), чем было ракет СС–4 и СС–5, а еще лучше — ограничится несколько меньшим их числом с учетом более высоких качественных характеристик. Тогда озабоченность западноевропейцев, как и вопрос о размещении новых американских ракет в Европе, будет снята»¹². Об этом беседовали летом 1979 г. канцлер

⁸ Громько А. Андрей Громько. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С.74.

⁹ Добрынин А. Указ. соч. С.447.

¹⁰ Киссинджер Г. Указ. соч. С.708.

¹¹ Ванден Берге И. Историческое недоразумение? «Холодная война» 1917–1990. М., 1996. С.218.

¹² Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994. С.241.

ФРГ Г. Шмидт с советским премьером А. Косыгиным. Но при обсуждении в Политбюро против такого варианта стал протестовать Министр обороны Д. Устинов: "Ишь чего захотели, раскрой им наши планы. Да еще скорректируй их! А кто даст гарантии, что они после этого откажутся от своих планов?"¹³ «В московском Политбюро министр обороны докладывал: зачем вести переговоры? Ведь у нас ракеты, а у них — ничего. Так чем же они могут заплатить?»¹⁴ — пишет Г. Шмидт. Устинов считал, «что НАТО все равно, чтобы мы ни сделали, разместит в Европе свои новые ядерные ракеты средней дальности», и потому неважно, дадим ли мы им к этому поводы. «Что, снова будем плестись в хвосте?» — добавил он в разговоре с Громыко¹⁵. СССР не пошел на уступки. Политбюро согласилось с Д. Устиновым.

Позиция Политбюро игнорировала опасность размещения новых ракет вблизи СССР и преувеличивала влияние пацифистских сил в Европе, которым удалось в 1978 г. «завалить» размещение американского нейтронного оружия. Однако к осени кремлевское руководство с некоторым опозданием оценило масштабы угрозы — 6 октября Брежнев заявил о готовности демонтировать часть ракет СС-20 и вывести часть войск, если НАТО откажется от размещения американских ракет.

Запад не счел этот ответ удовлетворительным. Для США вопрос о размещении оружия средней дальности был не столько военным, сколько политическим. Америка стремилась усилить привязку к себе европейских союзников. В то же время Бжезинский развивал теорию, по которой атомный шантаж Западной Европы со стороны СССР может привести к ее «финляндизации»¹⁶. Правда, никаких признаков стремления СССР изменить послевоенный раздел Европы в это время не наблюдалось.

12 декабря 1979 г. на сессии НАТО было принято решение о размещении в Европе 108 ракет «Першинг II», способных достигать территории СССР в считанные минуты, и 464 крылатых ракет «Томагавк». Решение было «двойным» — оно оставляло возможность для переговоров с СССР, в итоге которых могло быть отменено. Однако СССР, столкнувшись с таким «шантажом» (или переговоры, или размещение ракет), выдвинуло свой ультиматум — отказ от «переговоров с позиции силы», переговоры — только после отмены «двойного решения». Одновременно пацифистское движение Европы вступило в бой с планом размещения ракет, но неуступчивость СССР ослабляла противников НАТО.

Безопасность Советского Союза оказалась под угрозой, гораздо большей, чем прежде, что подрывало одну из основ внешней политики СССР. Брежнев болезненно переживал кризис политики «разрядки». В то же время Картер в условиях предвыборной борьбы с радикально националистической альтернативой Р. Рейгана решил играть «на поле противника» и продемонстрировать неуступчивость в отношении СССР. Но Рейган здесь был гораздо сильнее.

В ходе предварительных консультаций по предотвращению размещения американских ракет встал также вопрос о необходимости учитывать ракеты союзников США — Великобритании и Франции. Это были суверенные страны, и они заявили о том, что имеют право на собственную ядерную самозащиту. США, в свою очередь, отрицали возможность учитывать ракеты, не находящиеся под прямым американским контролем (в первую очередь это касалось Франции, которая даже не была членом НАТО). Однако президент Франции Ж.

¹³ Там же. С.241–242.

¹⁴ Шмидт Г. На благо Германии. М., 1995. С.74.

¹⁵ Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына». М., 1997. С.55.

¹⁶ Добрынин А. Указ. соч. С.449.

д'Эстен не скрывал, что «независимость Франции — это вовсе не нейтралитет. Соединенные штаты были нашими союзниками, и в случае возникновения конфликта мы, конечно, выступим на их стороне, как об этом дал понять де Голль во время кубинского «ракетного кризиса»¹⁷. Такая позиция исключала игнорирование Советским Союзом французских и британских ракет.

Объявив все же о моратории на размещение своих ракет средней дальности, СССР при этом отказался вести переговоры без учета ракет союзников США и пошел по пути выставления предварительных условий («пока не будет отменено решение НАТО»). Это загнало ситуацию в тупик.

После ввода советских войск в Афганистан международный климат совсем испортился. Период «разрядки» завершился, начинался новый этап «Холодной войны». США объявили торговые санкции против СССР, а страны НАТО — бойкот Олимпийских игр, планировавшихся в Москве.

Однако СССР еще раз доказал свою способность концентрировать ресурсы на решающем участке: СССР поразил мир масштабами подготовки к Играм и высоким уровнем их проведения, а также образцовой чистотой города и наполненностью прилавков (каковой Москва прежде не знала). Накануне Олимпиады в Москве и окрестностях были проведены облавы на преступников, которые привели к задержанию 1262 человек (из них, правда, только 254 находились в розыске), изъято около тонны взрывчатки и 155 стволов незаконно хранившегося оружия. За время Олимпиады количество грабежей сократилось на 43%, случаев нанесения тяжких телесных повреждений — на 34%, краж — почти на 30%, автомобильных аварий — на 37%¹⁸. Хотя государство не могло долго удерживать такие «высокие планки», на время столица СССР превратилась в «образцовый социалистический город».

На сторону Советского Союза встал Международный олимпийский комитет, который выступал категорически против политизации Игр¹⁹. Агентство печати «Новости» опубликовало в зарубежной печати свыше 5 тысяч материалов об Играх. Ответная реакция западных СМИ была относительно мягкой, что позволило руководителям отделов пропаганды и внешнеполитической пропаганды Е. Тяжельникову и Л. Замятину сделать вывод о том, что *«нашим органам пропаганды удалось взять инициативу в свои руки, вести пропаганду в наступательном духе, упреждать разного рода выпады, в отдельных случаях определять направление освещения Игр и интерпретацию отдельных фактов... Буржуазные средства массовой информации все больше признают тот факт, что хорошие условия, четкое проведение соревнований, а также повседневное внимание к работе журналистов не позволяют использовать Московскую Олимпиаду для развертывания новой антисоветской кампании... Средства массовой информации западных стран, в том числе США и ФРГ, под давлением общественности вынуждены расширить рамки освещения соревнований и менять его тональность. Уменьшилось количество публикаций антисоветского и антиолимпийского характера»*²⁰.

В целом этот раунд идеологической схватки СССР выиграл, но международный климат от этого не улучшился. Новый американский президент Рональд Рейган, пришедший к власти в 1981 г., не был расположен к поиску компромисса с «коммунистами». Администрация Рейгана была более консолидирована, чем администрация Картера.

¹⁷ Жискара д' Эстен В. Власть и жизнь. Противостояние. М., 1993. С.292.

¹⁸ Раззаков Ф. Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности 1917–1991. М., 1997. С.192.

¹⁹ Российский государственный архив новейшей истории. (Далее — РГАНИ) Ф.5. Оп.77. Д.133. Л.5.

²⁰ Там же. Д.132. Л. 10–12.

Имидж Рейгана как простоватого человека с примитивными взглядами на международную ситуацию был справедлив в том отношении, что он не был специалистом во внешней политике и смотрел на нее через призму предрассудков рядового консервативного американца. Это была прагматичная позиция с точки зрения сохранения власти, но очень опасная линия в условиях международной конфронтации. Обычно так и случается, что интересы борьбы за власть оказываются важнее судеб миллионов людей. В середине 80-х гг. Рейгану хватит политического чутья, чтобы в решающий момент почувствовать, как меняются предпочтения рядового американца, и пойти навстречу советским мирным инициативам. Один из учителей Рейгана на ниве дипломатии Г. Киссинджер так оценивал его: «Внешнее добродушие Рейгана скрывало под собой невероятно сложную личность. Он был одновременно близок всем по духу и от всех далек, любитель разделить общее веселье, но в итоге настороженный одиночка... Бытует предание, будто бы Рейган был орудием тех, кто писал ему речи, но подобные иллюзии характерны для большинства работников такого рода. Но в конце концов, ведь именно сам Рейган отбирал себе людей, которые мастерили ему речи... Знакомство с Рейганом не оставляет никаких сомнений в том, что эти речи отражали его личные взгляды... Да, у Рейгана, возможно, было всего лишь несколько основных идей, но они—то как раз оказались стержневыми внешнеполитическими проблемами того периода»²¹. По словам того же Киссинджера, «одновременно он сознавал изначальную хрупкость советской системы, а его пронизательность шла вразрез с мнением большинства экспертов, даже в его собственном консервативном лагере»²². Из этой посылки Рейган сделал опасный вывод о необходимости подтолкнуть советский «колосс на глиняных ногах». Он верил в реальность создания систем «звездных войн» в ближайшее время, мог бросать ресурсы на алтарь противоборства, лишь через годы обнаруживая, что экономический кризис в США снова подходит к опасной черте. Советские лидеры стремились к сохранению своей системы, а не к сокрушению чужой. И это давало в руки Рейгана инициативу вплоть до 1985 г.

Наиболее умеренным в команде Рейгана «по должности» был госсекретарь А. Хейг, но и он был настроен против реальных уступок СССР. После его отставки в 1982 г. госсекретарем США стал Д. Шульц — осторожный, прагматичный политик. Жестче и агрессивнее были ориентированы министр обороны К. Уайнбергер и «большая тройка» главных советников президента. Большое влияние на определение внешнеполитической стратегии имел директор ЦРУ У. Кейси. По свидетельству сотрудника Рейгана Д. Ригана, Кейси был «просто помешан» на подрывных действиях против СССР. Кейси ставил советский режим на одну доску с гитлеровским, и потому оправдывал в борьбе с ним те же методы, которые применял против фашистов, будучи молодым офицером разведки. Взвешенные рапорты, учитывавшие как слабые, так и сильные стороны СССР, Кейси считал «белибердой» и не давал им хода к президенту. «Факты могут подводить», — говорил он, когда доклады расходились с его точкой зрения. Кейси убеждал Рейгана в том, что в СССР «ситуация хуже, чем мы представляли. Я хочу, чтобы вы сами увидели, насколько больна их экономика и насколько легкой мишенью они могут являться. Они обречены. В экономике полный хаос». Сотрудник Рейгана Д. Пойндекстер вспоминал: «Президент любил читать материалы разведки о советском народном хозяйстве. Особенно их анекдотическую часть, о заводах, простаивающих из-за отсутствия запчастей, об отсутствии твердой валюты, об очередях за продуктами питания»²³. Действительно, с точки зрения стандартов западной

²¹ Киссинджер Г. Указ. соч. С.697–698.

²² Там же. С.697.

²³ Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С.15, 29–30, 43, 53. Книга американского публициста П. Швейцера является одним из важнейших источников по истории второй «холодной войны». По существу это «коллективные мемуары» сотрудников американской администрации, отвечавших за оборону и внешнюю

экономики в СССР царил хаос. Регулярные перебои с поставками, использование продукции не по назначению, перепроизводство, диспропорции — все это так же свидетельствовало о близкой гибели СССР, как безработица и падение производства в США в это же время предвещали гибель империализма в глазах кремлевских старцев. Но подобный «хаос» царил в советской экономике уже давно. В конце 70-х–начале 80-х гг. советская экономика вошла в период стагнации — не первой в ее истории. С точки зрения специалистов в этом не было пока ничего особенно драматичного. Вернувшись из Москвы в 1982 г. А. Шлезингер писал: ”те люди в Соединенных Штатах, которые считают, что Советский Союз находится на краю пропасти из-за кризиса в обществе и экономике и что достаточно лишь одного толчка, чтобы он развалился, занимаются самообманом... У каждой супердержавы есть свои экономические проблемы, но это не означает, что она уже лежит на ринге побежденной»²⁴. Но для Рейгана подобранная ЦРУ информация была настоящим открытием — если в СССР царит такой беспорядок, то это значит, что советская экономика тяжело больна, и ее можно добить. Нужно только подыскать сильный яд. Гонка ракетных вооружений казалась неплохим средством.

Профессиональные актерские способности Рейгана делали его склонным к тому, чтобы «играть на публику», использовать каждую возможность для агитационного эффекта как в мире, так и прежде всего в своей стране. По мнению К. Эдельмана «публичная дипломатия является тем компонентом международных отношений, который он (Рейган — А.Ш.) лучше всего знает и в котором он силен больше всего»²⁵. Выступая в британском парламенте 8 июня 1982 г., Рейган провозгласил «всемирную демократическую революцию». «Сейчас я говорю о долгосрочной программе и вере в то, что марш свободы и демократии сметет марксистско-ленинские режимы на свалку истории, как это уже случилось с другими тираниями, подавляющими свободу народов и их право на самовыражение»²⁶. Тогда это звучало как пустая декларация, однако, уже шесть лет спустя всемирная революция под демократическими лозунгами развернется от Никарагуа до Бирмы и от СССР до ЮАР. Только вызовет ее не Рейган, а начавшиеся в Москве реформы. Развивая мысль о новой мировой революции, Рейган утверждал: ”мы видим силы тоталитаризма в мире, которые подрывают стабильность и разжигают конфликты по всей планете, чтобы продолжать яростное наступление на свободное человечество». Но «по всему миру наметились признаки того, что демократия находится на подъеме, и коммунизму угрожает развал. Он должен погибнуть от неизлечимой болезни, именуемой «тирания». Он больше не может сдерживать энергию человеческого духа и врожденного стремления людей к свободе, и его конец неизбежен... Крах советского эксперимента не должен быть сюрпризом для нас»²⁷.

Противники Рейгана отмечали существенное противоречие в аргументации президента: «С одной стороны нас пытаются убедить в том, что русские близки к господству над миром, — писал Ф. Черч, — с другой... Рейган заверяет нас... что российская империя разваливается. Если дело обстоит именно так, то к чему беспокоиться»²⁸. В

политику. В этой книге, задуманной в качестве апологетического памятника директору ЦРУ У. Кейси, американские «ястребы» откровенно рассказывают о тайных операциях, проводившихся США против СССР в 1981–1986 гг.

²⁴ Там же. С.10.

²⁵ Foreign Affairs, 1981, Spring. P.913.

²⁶ Рейган Р. Откровенно говоря. М., 1989. С.106.

²⁷ Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С.549.

²⁸ The New York Times Magazine. 23.08.1981. P.33.

действительности у Рейгана была своя логика — СССР, даже разваливаясь, мог нанести смертельный удар по Западу, и если кризис Советского Союза предоставлял шанс покончить с этой угрозой, то следовало торопиться.

Такие намерения американского лидера вызывали серьезное беспокойство в Москве. Кремлевские старцы не могли воспринимать всерьез намерение разорить СССР, его социально-экономическое положение в этот период было устойчивым. Так что риторика Рейгана переводилась как готовность к ракетно-ядерной войне. Конечно, военное соревнование также ложилось тяжелым грузом на экономику США, и американская администрация шла на грани экономических возможностей страны. В этом смысле борьба советского и американского руководств была в значительной степени борьбой нервов.

Советник-посланник посольства СССР в США А. Бессмертных вспоминал: «Вся утечка информации и рапорты от нашей разведки в США... говорили о том, что Вашингтон серьезно подумывает об уничтожении Советского Союза с первой попытки»²⁹. Рейгана устраивало, что в Кремле боятся его непредсказуемости. Советник президента Р. Аллен вспоминает о встрече с советским послом Добрыниным: «Они считали, что имеют дело с первоклассным сумасшедшим. И были смертельно напуганы... Держать Советы в уверенности, что Рейган не в своем уме, было его стратегией»³⁰. Приоритетной разведывательной задачей спецслужб Советского Союза было определено выявление приготовлений к ракетно-ядерному нападению со стороны США³¹. Переписка двух лидеров показывает, что Брежнев в своей аргументации исходил из самоубийственности ядерной войны, в то время как Рейган признавал возможность ее ведения³².

В то же время и «меры доверия», предложенные Брежневым 6 марта 1981 г. для всей территории Европы, были расценены Рейганом как результат его «твердой линии» и не заставили американского президента искать компромисса³³. Объявление Брежневым 15 марта 1982 г. моратория на размещение новых советских ракет также не впечатлило американскую администрацию.

Рейгановская «стратегия сумасшедшего» сочеталась с «миротворческими инициативами», которые в условиях обострения международной напряженности носили пропагандистский характер и станут реальной перспективой только в период Перестройки. 18 ноября 1981 г. президент США предложил так называемый «нулевой вариант», который предполагал полный вывод ракет средней дальности из Европы, но опять же за исключением ракет Великобритании и Франции, а также ракет морского базирования. Все это сохраняло перевес потенциальных противников СССР в ядерных средствах средней дальности и не могло удовлетворить администрацию Брежнева. Впоследствии, когда ситуация в мире существенно изменилось, и опасность внезапного ракетно-ядерного нападения отпала, Горбачев принял вариант Рейгана почти полностью, заставив идти на решительное свертывание вооружений, готовность к которому была ранее декларировано американской стороной.

Вопрос о ракетах средней дальности стал одним из важнейших внешнеполитических

²⁹ Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С.49.

³⁰ Там же. С.34.

³¹ М. Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева, 1992. С.588.

³² См. Добрынин А. Указ. соч. С.520.

³³ Добрынин А. Указ. соч. С.508–510.

тупиков, которые сделали невозможным продолжение политики «разрядки». Однако еще до прихода к власти Рейгана «разрядку» окончательно похоронила война в Афганистане.